

М. А. ТРОНСКАЯ

ГЕРОИ-КОМИЧЕСКАЯ ПОЭМА М. А. ТЮММЕЛЯ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

В потоке переводной литературы, наводнившей Россию во второй половине XVIII в., героико-комическая эпопея, очень популярная на Западе, была представлена лишь «Похищенным локоном» Попа.¹ Сумароков определил в «Эпистоле о стихотворстве» характер и особенности этого жанра,² но на практике русский читатель познакомился с ним лишь по произведениям В. И. Майкова и М. Д. Чулкова.³

Прозаический вариант героико-комической поэмы стал известен в России благодаря переводу, сделанному О. П. Козодавлевым в 1783 г. поэмы «Вильгельмина»,⁴ произведения Моритца-Августа Тюммеля — камер-юнкера, а позже тайного советника и министра при Саксен-Кобургском дворе.

В Германии героико-комическая поэма начиная с 1740-х годов служила действенным средством борьбы в ожесточенной сатирической полемике между Готтшедом и его антагонистами. Эту функцию успешно выполняли печатавшиеся в 1741 и 1742 гг. в журнале «Belustigungen des Verstandes und des Witzes» готтшедовская «Война немецких поэтов» и «Мастерская игра в ломбер» Гоммеля.⁵

Подлинной художественности немецкая комическая эпопея достигает под пером Захарии, студента юридического факультета

¹ Похищенный локон волосов. Поэма героическая г. Попе, перев. с франц. Б. м., 1761.

² Г. А. Гукровский. Русская литература XVIII века. Учпедгиз, М., 1939, стр. 176—183.

³ Ироико-комическая поэма. Ред. Б. В. Томашевского. Изд. писателей в Ленинграде, Л., 1933, стр. 75—238.

⁴ A. v. Thümmel. Wilhelmine oder der vermählte Pedant, ein prosaisch-comisches Gedicht. Leipzig, 1764.

⁵ Небезынтересно, что героико-комическая поэма Гоммеля «Das Meisterstück in Lomber, ein Heldengedicht» в «Belustigungen des Verstandes und des Witzes» (1742) по своей теме переключается с написанной через 20 лет поэмой В. И. Майкова «Игрок ломбера».

в Лейпциге, первое произведение которого «Бахвал»⁶ восходит к бурлеску Скаррона.

Замысел «Вильгельмины» возник в 1762 г. в споре Тюммеля с неким Бозе о прозаической форме эпического произведения; в ответ на утверждение Бозе, что только французы сумели создать непревзойденные образцы этого рода, Тюммель взялся на практике доказать, что комическая эпопея возможна и на немецком языке. Следуя каноническим образцам — Буало и Попу, мечтая комизмом и занимательностью превзойти Захарию,⁷ Тюммель выполняет основной закон жанра: сочетает высокий и низкий стиль, прилагает все усилия к тому, чтобы сделать свое произведение, как он сам говорит, «как можно торжественнее и смешнее».⁸ Он в возвышенных тонах повествует о любовных злоключениях ученого сельского пастора, у которого галантный гофмаршал отнял возлюбленную, а через четыре года, увлекшись другой, возвратил ему. Пародируя эпический стиль, Тюммель вводит традиционное обращение к музе, мифологический аппарат, гомеровские сравнения, иллюстрирующие «пустяковые» происшествия; наряду с этим он рисует выдержанные в анакреонтическом стиле фривольные эпизоды и жанровые картинки сельской жизни.

Современная Тюммелю немецкая критика подчеркивает «жизненность и правдивость» его описаний, «забавность и живость» ситуаций, называет его «смеющимся сатирическим гением», сравнивает с Фильдингом, постоянно говорит о «тонкости его сатиры».⁹ В этом первом своем произведении Тюммель еще далек от острой антиклерикальной сатиры своего более позднего романа «Путешествие в полуденные провинции Франции»,¹⁰ но и «Вильгельмина» насквозь сатирична. Объектом насмешки служит и ученый пастор, и вельможа. Герой Тюммеля, Нотанкер, — честный, глупый, непрактичный педант, над бесцельной ученостью, простодушием и легковерием которого автор весело смеется: «Я пою редкостную победу любви, которую бедный сельский пастор одержал над знатым гофмаршалом» — сказано уже в зачине первой песни.

Но наряду с этим безобидным объектом мишенью сатиры Тюммеля является и феодальное общество. Резко отрицательное отношение его к придворным кругам четко отражено в его письмах

⁶ F. W. Zachariae. Der Renommiste, Belustigungen des Verstandes und des Witzes. 1744.

⁷ A. v. Thümmel an F. Weisse 19 I 1764. — In: R. Rosenbaum. Einleitung Deutsche Literaturdenkmale des 18. und 19. Jahrhunderts, Bd. 48, Stuttgart, 1894, стр. VI—VII.

⁸ Там же, стр. VII.

⁹ Charaktere Teutscher Dichter und Prosaisten, Bd. V. Berlin, 1781, стр. 415—416; Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freyen Künste, Bd. 12, St. I, 1765, стр. 80; Allgemeine deutsche Bibliothek, Bd. 9, 1769, St. I, стр. 319.

¹⁰ A. v. Thümmel. Reise in die mittäglichen Provinzen von Frankreich im Jahre 1785—1786. Leipzig, 1791—1805.

к другу Феликсу Вейссе.¹¹ Выбор героя-простака становится способом подчеркнуто сатирического противопоставления его лукавым придворным. Опираясь на бытующее в немецкой сатирической литературе этого времени осмеяние феодалов, Тюммель придает своей сатире новые черты: он комически героизирует образы придворных, стилизует их при помощи античных иллюстраций и сравнений: похищение и возвращение Вильгельмины пастору соотносится с действиями Агамемнона, возвращающего Хризеиду «увенчанному лаврами жрецу Аполлона»; «героические деяния» придворных бездельников освящаются именем Марса, а развратный гофмаршал — самого Юпитера.

Успех поэмы был так велик, что она при жизни автора выдержала шесть изданий. Начиная со второго издания, была опущена вторая часть заглавия «*der vermählte Pedant*» и тем самым несколько ослаблена роль центрального героя. Известный писатель и критик «Молодой Германии» Мундт писал в 1830-х годах в рецензии на поэму Тюммеля: «Это искрящееся остроумием произведение было излюбленным чтением немцев в 60-е и 70-е годы XVIII в.»¹² Поэма была переведена на французский, голландский, итальянский и русский языки.

«Поскольку „Вильгельмина“ заслужила в Германии всеобщее одобрение, и ее с особым удовольствием читали во Франции, то естественно, что знатоки немецкой литературы в России желают получить перевод этой превосходной поэмы», — писал О. П. Козодавлев Тюммелю в 1783 г., подчеркивая, насколько ему приятно сообщить автору, что «императрица, посвящая немногие часы своего досуга чтению образцовых произведений замечательных гениев, не только с удовольствием прочла „Вильгельмину“ в подлиннике, но и выразила желание, чтобы поэма эта была переведена на русский язык».¹³

Таким образом, перевод был сделан по прямому указанию Екатерины II.

24 мая 1781 г. она писала Гримму: «*J'ai fait ce printemps deux lectures allemandes qui m'ont beaucoup plu: la première Wilhelmine, poème en prose; cela est charmant.*»¹⁴ Гримм, видимо, сообщил ей сведения об авторе, так как 9 марта 1783 г. она пишет: «*J'ai cru que le nom de Thümmel était peut être un nom supposé au poème de Wilhelmine, et voilà que vous me faites faire connaissance avec l'auteur.*»¹⁵

¹¹ J. Minor. Briefe aus Christian Felix Weisses Nachlass. — Archiv für Literaturwissenschaft, Bd. IX, Hrsg. v. F. Schnorr, стр. 453—507.

¹² Th. Mundt. M. A. Thümmels sämtliche Werke. — Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik, Bd. 1, Stuttgart und Tübingen, 1833, стр. 687.

¹³ A. v. Thümmel, Sämtliche Werke, Bd. 7, hrsg. v. J. E. Gruner, Leipzig, 1819, Thümmels Leben, стр. 65 и сл.

¹⁴ Письма Екатерины II к Гримму. — В кн.: Сборник имп. Русского исторического общества, т. 23, СПб., 1878, стр. 208.

¹⁵ Там же, стр. 271.

Поэма настолько понравилась Екатерине, что она в 1790-х годах цитирует слова Тюммеля о шарлатанах,¹⁶ радуется получению его новой книги.¹⁷ Екатерину, видимо, пленило изящество изложения игривого сюжета, она специально отмечает прелесть языка и с явной иронией по адресу Фридриха II и его хулы на немецкую литературу и немецкий язык пишет: «Oh, comme on écrit bien en allemand, malgré les dépréciateurs de la littérature allemande ... Les Allemands ont appris à manier leur langue comme Voltaire, et je crois, dieu me le pardonne, que c'est lui qui leur a appris à écrire; qui dirait que cette langue si dure serait susceptible d'autan d'agrément?»¹⁸

«Галантная» форма в духе так называемой «легкой поэзии», которую широко использовал Тюммель, явно заслонила в восприятии Екатерины обличительные тенденции поэмы, на это указывает и ее восхищение «вольтеровским» стилем поэмы, и эпитет «charmant», и совет Гримму: «Lisez moi un peu Wilhelmine ... et si votre bile ne rentre pas dans son devoir, ce ne sera pas ma faute».¹⁹

Антифеодалная сатира в форме комически сниженного фривольного анекдота не показалась Екатерине опасной даже в начале 1780-х годов, когда ее мнимый либерализм уже отошел в прошлое. Переводчиком она выбрала О. П. Козодавлева — государственного деятеля и литератора, по определению Г. П. Макогоненко, «умного и хитрого придворного», который «возводил алтарь Екатерине».²⁰

Если никак нельзя согласиться с той высокой оценкой его литературных заслуг, какую дает М. И. Сухомлинов, подробно рассказывающий историю перевода «Вильгельмины», то он прав, называя Козодавлева «любителем и знатоком немецкой литературы».²¹ В цитированном выше письме к Тюммелю Козодавлев сообщает, что по возвращении из лейпцигского университета «изучение немецкой литературы — его излюбленное занятие». В начале 1770-х годов он перерабатывает комедию «Der Diamant», озаглавливая ее «Перстень», в 1780 г. переводит гетевского «Клавиго»,²² пишет и собственные комедии и стихи.²³ «Легкость его стиха» отмечает Добролюбов.²⁴

¹⁶ Там же, стр. 667.

¹⁷ Там же, стр. 658.

¹⁸ Там же, стр. 208.

¹⁹ Там же, стр. 228.

²⁰ Г. П. Макогоненко. Радищев и его время. Гослитиздат, М., 1956, стр. 231—232.

²¹ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии наук, т. VI. СПб., 1882, стр. 297.

²² В. Жирмунский. Гете в русской литературе. Изд. «Худ. литература», Л., 1937, стр. 39—40.

²³ О. П. Козодавлев. Собрание стихотворений. — В кн.: Русская поэзия, вып. IV, под ред. С. А. Венгерова, СПб., 1894, стр. 762—766.

²⁴ Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. I, Гослитиздат, М.—Л., 1961, стр. 251.

В 1783 г. выходит «Вильгельмина» в переводе Козодавлева.²⁵ Предисловие «от переводчика» Козодавлев начинает с выпада против католического и протестантского духовенства. Заявив, что «сия поэма сочинена сообразно правилам и обычаям той земли, в которой сочинитель ее писал», он сообщает, что «хотя писана она и языком немецким, однако ж ... в некоторых областях той самой империи кажется она многим читателям весьма странною». Оказывается, что брак влюбленного священника «в глазах австрийских епископов есть творение неестественное», а «саксонские пасторы сердятся на сочинителя, описавшего их собственные приключения». Больше переводчик к этому вопросу не возвращается, но уверяет, что «слог и замысел господина Тюммеля пленяют и такого читателя, которому обычай им описуемые и неизвестны»; он восхваляет французский перевод «Вильгельмины» Губера и мечтает с ним сравняться.²⁶

М. И. Сухомлинов приводит отрывки поэмы в переводе и в подлиннике, но на характере перевода не останавливается.²⁷

«Я не знаю ни одной буквы Вашего языка и не могу в Вашем переводе прочесть своего собственного имени», — писал Тюммель Козодавлеву, и дальше: «А какой радостью было бы для меня, если б я знал язык, если б я мог следовать за Вами, наблюдая, как Вы в Вашем переводе преодолевали многочисленные трудности и сталкивали язык с языком».²⁸

Перед Козодавлевым действительно стояли огромные трудности: прежде всего необходимо было заменить привычный хотя бы по «Елисею» Майкова александрийский стих прозой, а в прозе сочетать искусные и сложные стилевые контрасты Тюммеля. Он справился с этой задачей очень удачно.

Ритмическая проза, связь разговорной речи с частью лишь наметченными, а частью полностью переданными стихотворными размерами разного рода сохранена на протяжении всей поэмы. Перевод очень точен, лишь в редких случаях Козодавлева можно упрекнуть в некотором смягчении или упрощении, когда он, например, «Das 62. blutige Jahr des 18. Jahrhunderts» переводит «военным опустошением славный шестьдесят второй год осьмагонадесят столетия» (I, 9), для «welkendes Herz» и «zerrüttetes Herz» равно дает эпитет «болезненное сердце» (II, 35), порою затушевывает насмешку над религией, «frommer Pedant» переводит

²⁵ Вильгельмина, поэма в шести песнях, сочиненная в прозе господином фон Тиммель. Переведена с немецкого, в Санкт-Петербурге, при императорской Академии наук, 1783. Далее цитируется это издание с указанием в тексте части и страницы.

²⁶ Там же, стр. 1—2.

²⁷ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии наук, т. VI, стр. 299—305.

²⁸ Schreiben des Herrn Geheimrath v. Thummel an den Herrn Collegienrath von Kosodawlew — St.-Petersburgische Bibliothek der Journale, 1784, Junius, стр. 94, 98.

«смиранный пастор» (III, 39), пропускает выражение молитвенного восторга знатных гостей перед уставленным яствами столом; иногда он ослабляет анакреонтическую окраску стилиа: «ländliche Venus» у него «сельская красота» (I, 17), в речи Амура опущены слова о «Wallender Busen» Вильгельмины. Помимо этого, изредка пропускаются сатирические сравнения, как например параллель между героем, тщетно старающимся привлечь внимание придворных, с голодным волком, преследующим ловкую лису, или между прячущимся за облаками солнцем и невинной девушкой, служащей моделью для художников. Козодавлев не руссифицирует перевода, хотя изредка «vornehmer Herr» оказывается у него «знатным боярином» (I, 18), а «Gasthof» — «трактиром» (II, 34); он приближает книгу к пониманию русского читателя. Он систематически называет героя не «Magister», как это делает автор, а «пастор»; а слова «Junker» и «Gerichtsherr» он переводит словом «помещик». Когда Тюммель в цитированном выше письме к русскому переводчику писал: «Я знаю три перевода моей поэмы: французский, итальянский и голландский, но во всех трех оттенки и полутона исчезли, это столь же верно, как то, что в Вашем переводе они сохранены», то он не подозревал, что его светски любезные слова соответствуют истине.

Отклики на поэму были немногочисленны. Немецкая петербургская газета сообщила, что «перевод ни в чем не уступает оригиналу».²⁹ В критической статье об этой немецкой газете, помещенной в «Зеркале света», сказано: «Особливо достойно примечания помещенное в июле месяце на 93 странице письмо тайного советника Тюммеля, писанное из Готы к Осипу Петровичу Козодавлеву. Известно читателям о прекрасном переводе „Вильгельмины“, в котором г. Козодавлев свойственной ему кистью выразил превосходно все красоты немецкого подлинника».³⁰

Удостоился Козодавлев и похвалы Фонвизина: «Позвольте Вас искренно поздравить как с табакеркою, так и со всеобщую похвалою вашему переводу, которого экземпляр получив от вас, читал я с большим удовольствием», — писал тот ему.³¹

²⁹ St.-Petersburgische Bibliothek der Journale, Bd 5, 1784, Januar, стр 94

³⁰ «Зеркало света», 1786, ч I, № 16, 16 мая, стр 362

³¹ «Вестник Европы», 1803, октябрь, № 19, стр 163—164 В редакционном примечании сообщается о сопроводительном письме «старинного приятеля» Фонвизина без указания года написания.